

С. Б. Клименко

АККУЗАТИВНОСТЬ И ЭРГАТИВНОСТЬ В ТАГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Введение

Настоящая статья посвящена вопросу о том, каким синтаксическим строем обладает тагальский язык. Существование самых разных точек зрения и подходов к интерпретации строя тагальского языка² является причиной крайней запутанности рассматриваемой проблемы: тагалог разными исследователями трактуется как язык аккузативного, эргативного, посессивного строя или как язык, не входящий ни в одну из перечисленных групп. Наличие столь широкого спектра мнений обусловлено тем, что тагальская залоговая система, являясь одной из самых выдающихся характеристик грамматического строя тагалога, как и остальных языков филиппинской группы, в первом приближении проявляет некоторые свойства любой из упомянутых групп языков.

¹ Приношу благодарность М.В. Станюкович, в результате усилий которой группа студентов отделения тагальской филологии Восточного факультета СПбГУ, в том числе и я, смогла пройти стажировку в сентябре 2007 — мае 2008 г. в Университете Филиппин. В ходе стажировки была собрана значительная часть материалов, использованных для написания настоящей работы. Спасибо моему научному руководителю Г.Е. Рачкову за его неоценимые советы и наставления; А.К. Оглоблину за комментарии и отзыв о моей выпускной работе бакалавра, Stephen Quakenbush за доступ в библиотеку Летнего Института Лингвистики в Маниле, Lawrence Reid, Resty M. Ceña, Videa De Guzman и Rosario Del Rosario за помощь, оказанную в сборе материалов; а также Anne A. Abcede и Leo R.S. Laroza за помощь в анализе языковых примеров и ответы на мои многочисленные вопросы. За все ошибки, недочеты и другие недостатки, имеющиеся в настоящей работе, ответственность, разумеется, лежит только на мне.

² Далее название языка — «тагальский» — будет употребляться наравне с названием «тагалог», используемым в зарубежной литературе, как филиппинской, так и западной.

Первое, что следует сказать о рассматриваемой проблеме, — это то, что она далека от решения, вызывая и в настоящее время не менее активное, чем в более ранние периоды изучения тагальского языка, обсуждение в литературе. Во-вторых, эта проблема практически не изучалась в отечественной филиппинистике. Первые предложения толковать тагальский язык как эргативный прозвучали еще в 1970-е годы, но среди отечественных филиппинистов существование данной проблемы отмечает лишь [Шкарбан 1995]. Однако и Л.И. Шкарбан отказывается от ее более подробного рассмотрения, замечая, тем не менее, что ни один из подходов не представляется исчерпывающим для строя тагальского языка [Шкарбан 1995: 103].

Ниже будет объяснена суть разногласий, существующих между сторонниками различных подходов к толкованию тагальской залоговой системы, представлена краткая история изучения тагалога и проанализированы критерии для установления основной транзитивной конструкции, используемые в работах, посвященных рассматриваемому вопросу, с целью предварительного ответа на вопрос о строе тагальского языка.

Залог в тагальском языке

В тагальской залоговой системе выделяют, как правило, шесть залоговых конструкций, различающихся по тому, какой участник ситуации занимает позицию подлежащего, оформляемого падежным показателем так называемой группы *ang* (показатель неличных имен *ang* и показатели личных имен *si/sina*) или выражаемого местоимением группы *ang* (*ako* (1SG), *ikaw/ka* (2SG), *siya* (3SG), *kami* (1PL.EXCL), *tayo* (1PL.INCL), *kayo* (2PL), *sila* (3PL), *ito* (DEM-близко к говорящему), *iyon* (DEM-близко к слушающему), *iyon* (DEM-далеко от разговаривающих): субъектная, пациенсная, адресатная, инструментальная, бенефактивная, каузативная. Некоторые исследователи выделяют большее число залогов (например, см.: [Schachter, Otanes 1972]). Показателем залога является залоговый аффикс глагола. Число и тип образуемых залоговых конструкций для каждой глагольной основы различны. Кроме того, в тагальском языке отсутствует прямое соответствие между формой залогового аффикса и его значением, т.е. той за-

логовой конструкцией, экспонентом которой он является: одному глагольному аффиксу может соответствовать одно из нескольких залоговых значений, и, кроме того, одно залоговое значение может быть выражено разными аффиксами в зависимости от глагольной основы.

Причиной существующих разногласий относительно строя тагальского языка является тот факт, что тагалог допускает истолкование его залоговой системы и как аккумулятивной, и как эргативной в зависимости от того, какую из залоговых конструкций принять за основную:

(1) <i>Tumila</i>	<i>na</i>	<i>ang</i>	<i>ambon</i>	[II: 68].
PERFASP.AV(-um-).останавливаться	уже	ANG	дождь.	
			NOM/ABS	
			S/S	

‘Дождь уже прекратился’.

(2) <i>Dumampot</i>	<i>siya</i>	<i>ng</i>	<i>ga-kamaong</i>	<i>halo</i>	<i>ng</i>
PERFASP.AV(-um-).			величиной-с-кулак-		
поднимать	3SG.ANG	NG	LK	смесь	NG
	NOM/ABS			ACC/OBL	
	A/S			O/-	

<i>graba</i>	<i>at</i>	<i>buhangin</i> [II: 78].
гравий	и	песок

‘Он поднял горсть смеси гравия и песка’.

(3) <i>Mabilis</i>	<i>na</i>	<i>dinampot</i>	<i>ni</i>	<i>Ed</i>
быстро	LK	PERFASP.PV(-in-).поднимать	PERS.NG	Эд
				OBL/ERG
				-/A

<i>ang</i>	<i>mikropono...</i>	[II: 77].
ANG	микрофон	
	NOM/ABS	
	S/O	

‘Эд быстро поднял микрофон’.

В примерах (1)–(3) приведены три конструкции, представляющие одновалентную конструкцию (1) (субъектную) и две разные двухвалентные конструкции (2) (субъектную) и (3) (пациенсную), т.е. потенциально переходные³.

От того, какая из этих двух конструкций будет признана основной, т.е. грамматически переходной, зависит и то, с А или О⁴ будет группироваться по своему оформлению S, т.е. к эргативному или аккузативному строю будет относиться язык (в примерах (1)–(3) указывается, как трактуются участники глагольного окружения при аккузативном и эргативном подходах соответственно). При номинативно-аккузативном конструкция (2) признается транзитивной и, соответственно, активной, а конструкция (3) — пассивной. При абсолютивно-эргативном подходе конструкция (3) признается транзитивной и, соответственно, эргативной, а конструкция (2) — антипассивной.

История изучения тагальского языка

Начало описанию тагальского языка в терминах, использовавшихся европейцами применительно к аккузативным индоевропейским языкам, положили еще испанские грамматисты XVII–XVIII вв., такие как Ф.Б. де Сан Хосе и С. де Тотанес⁵, которые перенесли толкование, принятое для системы залогов в романских языках, на схожее явление в новом для них и еще не изученном языке.

³ Залоговая система тагальского языка далеко не исчерпывается конструкциями, представленными в примерах (1)–(3), которые иллюстрируют лишь субъектный и пациенсный залого. Однако для целей демонстрации различных подходов к толкованию залоговой системы в тагальском языке данных примеров достаточно.

⁴ Говоря об аккузативности и эргативности, мы опираемся на определение, представленное в: [Dixon 1994], которое, согласно Ю.Х. Сирку, стало «уже классическим» [Сирк 2008: 299]. Данное определение использует понятия А (субъект действия транзитивного глагола), О (объект действия транзитивного глагола) и S (подлежащее интранзитивного глагола). Аккузативная модель кодирования актантов предполагает одинаковое оформление S и А, тогда как эргативная модель — одинаковое оформление S и О. Определение эргативности см. также в: [Климов 1973].

⁵ De San Jose F.B. *Arte y Regalas de la Lengua*. Bataa. 1610; De Totanes S. *Arte de la Lengua Tagala*. Sampaloc. 1745. 217 p. (цит. по: [Garcia 1992: 25]).

Номинативно-аккузативного анализа тагальской системы залогов в конце XIX — первой половине XX в. придерживались Х. Рисаль, Ф. Блэйк, Л. Блумфилд⁶ и многие другие. За рубежом эта точка зрения распространена и в настоящее время [Kroeger 1993; Hirano 2006]. Доминирующим номинативно-аккузативный подход является и в работах крупнейших отечественных филиппинистов [Макаренко 1970: 89–92; Подберезский 1976: 401–407; Рачков 1981: 127–128].

Приблизительно в середине XX в. особенности, которые отличают залоговую систему тагальского языка от залоговой системы европейских языков, заставили многих лингвистов искать другие пути анализа залога в тагальском языке (и в филиппинских языках вообще), нежели как системы, противопоставляющей активную и пассивные формы. Причиной для пересмотра традиционных представлений в первую очередь явилось различие тагальского залога и залога, к примеру, английского языка с точки зрения их функциональности, которое нередко упоминалось и в работах сторонников номинативно-аккузативного анализа: английский активный залог представляется немаркированным стандартным средством описания двухвалентного действия, тогда как в тагальском языке такому толкованию субъектной конструкции противоречит тот факт, что «пассивные» конструкции употребляются не реже «активных», а по некоторым наблюдениям, даже чаще.

Гипотеза о системе фокусов в филиппинских языках была введена исследователями из Летнего Института Лингвистики (Summer Institute of Linguistics) в 1950-х годах и до сих пор является самой распространенной точкой зрения на залог в языках филиппинской группы [Liao 2004: 153].

Термин «фокус» относится к свойству тагальских глагольных аффиксов («фокусных аффиксов») устанавливать особый вид связи с одним из актантов, а именно — с актантом, маркирован-

⁶ Rizal J. Estudios sobre la lengua tagala. 1893; Blake F. Expression of case by the verbs in Tagalog // Journal of the American Oriental Society. 1906. Vol. 27. P. 183–189; Bloomfield L. Tagalog texts with grammatical analysis. University of Illinois studies in language and literature. Urbana, Illinois. 1917. Vol. 3. P. 2–4 (цит. по: [Garcia 1992: 33; Nolasco 2003: 26–27]).

ным показателем *ang/si/sina* либо выраженным местоимением группы *ang*, т.е. аффикс глагола указывает семантическую роль, выражаемую подлежащим предложения, которое часто в работах, придерживающихся фокусного анализа, именуется как «топик» (topic) или член предложения, «находящийся в фокусе». Вместо понятий «активный и пассивный залого» используются «агентный фокус», «объектный фокус», «инструментальный фокус» и т.д.

Предположение об эргативном строе тагальского языка впервые прозвучало в конце 1970-х годов в работах двух филиппинских лингвистов — Р. Сеña и В. де Гусман⁷.

Основной тезис, использованный в исследованиях обоими лингвистами, согласно источникам, заключается в том, что тагалог следует рассматривать как эргативный язык, поскольку именно пациенсу, как правило, отдается предпочтение при выборе подлежащего предложения, что и является причиной большой распространенности в тагальском языке несубъектных конструкций. Это предпочтение позволяет сторонникам эргативного подхода говорить об «особом положении» пациенса в тагальском предложении [Nolasco 2003: 44–48].

С конца 1980-х годов стали появляться работы, в которых предлагается не рассматривать тагальскую залоговую систему как аккузативную или эргативную, а считать все залоговые конструкции в тагалог равноправными. Такая точка зрения представлена в: [Shibatani 1988; Maclachlan 1994; 1996; Foley 1998; Katagiri 2005]⁸.

⁷ Ceña R. Patient primacy in Tagalog // Annual meeting, Linguistic Society of America. Chicago. 1977; De Guzman V. Syntactic derivation of Tagalog verbs // Oceanic Linguistics Special Publications. No 16. Honolulu: University Press of Hawaii. 1978; De Guzman V. Morphological evidence for the primacy of Patient as subject in Tagalog // Annual meeting, Linguistic Society of America. Los Angeles, 1979 (цит. по: [Gibson, Starosta 1990: 196]).

⁸ В целях экономии места здесь не рассматривается еще один подход к строю тагальского языка — уравнительный (equational), или посессивный, подход, представленный в работах [Подберезский 1976; Himmelmann 1991; Алиева 1998]. Согласно этому подходу, в тагальском языке стерто или вообще отсутствует разделение имен и глаголов, вследствие чего говорить об аккузативности или эргативности строя тагалог не приходится. Мы, однако, стоим на позиции,

Критерии для установления основной транзитивной конструкции

Формальная сложность и производность

Согласно критерию формальной сложности и производности одних залоговых конструкций от других, маркированная, т.е. производная, форма является более сложной, чем основная. Таким образом, в типичных номинативно-аккузативных и абсолютивно-эргативных языках пассивные и антипассивные конструкции являются более сложными по сравнению с активными и эргативными соответственно, имея специальный показатель производности.

Относительно тагальского языка при рассмотрении данного критерия в первую очередь следует заметить, что различия в формальной сложности между конструкциями разных залогов в нем могут быть обнаружены только в формах глаголов, поскольку в остальном структура всех конструкций является одинаковой.

В тагальском языке существует несколько типов соответствий между формами субъектных и несубъектных глаголов. Ниже приводятся глаголы разных залогов, которые, являясь примерами различных типов таких соответствий, далеко не исчерпывают, однако, все возможные варианты:

(4) ‘покупать’ *bumili* (AV) — *bilhin* (PV) — *bilhan* (DV) — *ibili* (IV) — *ibili* (BV)

(5) ‘вешать’ *magbitin* (AV) — *ibitin* (PV) — *bitinan* (DV)

(6) ‘двигаться по краю’ *tamaybay* (AV) — *baybayin* (DV)

(7) ‘дарить’ *magkaloob* (AV) — *ipagkaloob* (PV) — *pagkalooban* (DV)

(8) ‘обещать’ *mangako* (AV) — *ipangako* (PV) — *pangakuan* (DV)

Значительная часть глаголов в тагальском языке не вызывает споров относительно критерия формальной производности, например глаголы в (4)–(6), где во всех трех случаях глаголы всех

что тагальский язык имеет четкое разделение классов имен и глаголов, в первую очередь на основании данных морфологии, но также и синтаксиса (см.: [Рачков 1981; De Guzman 1996]).

залогов имеют одинаковую морфологическую структуру: корневая морфема, являющаяся общей основой для глаголов всех залогов, и тот или иной залоговый аффикс.

В толковании морфологии глаголов в (7) и (8), однако, могут возникнуть разногласия, поскольку глаголы несубъектных залогов в данных случаях помимо залоговых аффиксов содержат также аффиксы *rag-* или *rang-*. Возможны по крайней мере четыре различных трактовки взаимосвязи между такими аффиксами (или, согласно некоторым трактовкам, приведенным ниже, сочетаниями аффиксов), как *tag-* и *rag-*, *tang-* и *rang-*, которые распространяются также на аффиксы (или сочетания аффиксов) *nag-*, *nang-* и т.п., с которыми образуются формы незавершенного и завершенного вида субъектных *tag-*, *tang-* и т.п. глаголов (например, *nagkaloob* ‘подарил’, *nangako* ‘пообещал’).

1. Первая трактовка заключается в том, что *tag-*, *tang-* и т.п. являются цельными аффиксами, а аффиксы типа *rag-*, также являясь самостоятельными морфемами, служат образованию вторичной глагольной основы, которая образуется от первичной основы, т.е. от основы, от которой образуется субъектный глагол на *tag-* и которая используется для образования несубъектных глаголов путем добавления к ней одного из аффиксов несубъектных залогов. Такой точки зрения придерживаются, например, Г.Е. Рачков⁹ и Л.И. Шкарбан¹⁰. *Nag-*, *nang-* и т.п. также признаются при данном подходе самостоятельными аффиксами, которые при видовом формоизменении глаголов заменяют собой аффиксы *tag-*, *tang-* и т.п.¹¹

⁹ «Вторичная основа *tag-* глаголов образуется от первичной префиксом *rag-*, вторичная основа *tang-* глаголов — префиксом *rang-...*» [Рачков 1981: 121].

¹⁰ «Инвариантные соответствия между “активным” залогом и “пассивными” предполагают перекодирование залогоаспектных показателей “актива” в последовательности однозначных аффиксов в “пассивах”, в которых основообразующие аффиксы *rag-*, *rang-*, *raki-* являются видовыми коррелятами агенсных показателей, например *tag-*→*rag-in*, *rag-an*, *irag-...*» [Шкарбан 1995: 109].

¹¹ «Эти формы образуются тремя способами: <...> б) заменой глагольного префикса (ср. *maglaro* и *naglaro*, *makitawa* и *nakitawa*, *makalakad* и *nakalakad*)...» [Рачков 1981: 144].

2. *Mag-*, *nag-* и *pag-* являются одной и той же флектирующей морфемой, которая служит видовому и залоговому формоизменению глаголов. В отношении чередования в *mag-/nag-* и т.п. такой точки зрения придерживается Л.И. Шкарбан¹².

3. *Mag-*, *nag-* и *pag-* и т.п. каждый являются сочетанием двух аффиксов, один из которых является общим для всех трех — *-ag-*, к которому присоединяется *m-*, *n-* или *p-*.

При этих трех трактовках несубъектные глаголы в (7) и (8) рассматриваются как имеющие более сложную морфологию, чем соответствующие субъектные глаголы, поскольку имеют на один аффикс больше (ср. *mangako/ipangako/pangakuan*, где субъектный *mang-* глагол, согласно первой и второй трактовкам, содержит один аффикс или, согласно третьей трактовке, два аффикса, тогда как несубъектные *pang-* глаголы содержат, согласно первой и второй трактовкам, два аффикса или, согласно третьей трактовке, три аффикса).

4. В тагальском языке существует всего четыре залоговых аффикса: *-um-*, *i-*, *-in* и *-an*. Этот подход был предложен В. де Гусман в 1978 г. (цит. по: [Nolasco 2003: 144]). С этой точки зрения такие глаголы, как, например, *magkaloob* ‘дарить’ и *mangako* ‘обещать’ в (7) и (8), содержат один и тот же залоговый аффикс — *m-*, который является вариантом единственного аффикса субъектного залога *-um-* и присоединяется к основе, которая образуется при помощи префикса *pag-* или *pang-* и является общей как для субъектного глагола, так и для глаголов несубъектных залогов. Таким образом, при данном подходе морфология как субъектных *-um-*, *mag-* и *mang-* глаголов, так и несубъектных глаголов является в равной степени сложной.

В настоящей работе мы исходим из того, что прямых доказательств, непосредственно свидетельствующих в пользу одной из перечисленных трактовок, не существует. Однако, как нам представляется, подход, который принимают В. де Гусман и Р. Но-

¹² «Со строго определенной группой залоговых показателей — флектирующих морфем — связан ограниченный инвентарь собственных маркеров, которыми располагает категория наклонения. Это флексивные показатели *m-* и *p-*, дающие, по сути, модальные формы префиксов активного залога: *mag-/nag-*, *mang-/nang-*, *maki-/naki-...*» [Шкарбан 1995: 99].

ласко, является наиболее адекватным, поскольку он способен предоставить наиболее последовательное толкование фактов тагальского языка.

При первой трактовке, согласно которой *tag-*, *nag-* и *pag-* являются самостоятельными аффиксами, упускается из виду тот очевидный факт, что все три содержат общий элемент.

Принятие второй трактовки привело бы к тому, что мы были бы вынуждены признать наличие в тагальском языке флексии или чередования согласных в одном и том же аффиксе, однако при этом флектирующие аффиксы глаголов субъектного залога типа *tag-/nag-/pag-*, *tang-/nang-/pang-* и т.п. являлись бы единственным явлением флексии в тагальском языке, поскольку во всех остальных случаях способами слово- и формоизменения являются аффиксация, редупликация, сложение, сращение и перенос ударения.

Принятие третьей трактовки заставило бы нас признать, что в несубъектных глаголах типа *ipangako*, *ipagkaloob* и т.д. присутствуют два аффикса, формирующие глагольную основу — *p-* и *-ag-*. При этом остается неясным, каким значением обладает аффикс *p-* в несубъектных глаголах: он не служит показателем залога, поскольку все глаголы помимо *p-* и *-ag-* содержат также один из залоговых аффиксов, и не является необходимым для различения основ разных глаголов, образующихся от одного и того же корня (например, *bumili* (AV)/*bilhin* (PV) ‘покупать’ и *magbili* (AV)/*ipagbili* (PV) ‘продавать’), поскольку для выполнения этой функции аффикса *-ag-* оказывается достаточно.

При четвертой же трактовке складывается более цельная картина описания глагольной морфологии тагальского языка. Во-первых, она позволяет зафиксировать тот факт, что субъектные *tag-* глаголы и соответствующие несубъектные *pag-* глаголы и т.п. имеют общую основу, которая не ограничивается лишь именем, являющимся производящей основой для глагола (например, *kaloob* ‘подарок’ в случае с *magkaloob*(AV)/*ipagkaloob*(PV)/*pagkalooban*(DV) ‘дарить’ и *ako* ‘обещание’ в случае с *tanggako*(AV)/*ipangako*(PV)/*pangakuan*(DV) ‘обещать’). Во-вторых, такая трактовка позволяет признать существование в тагальском

языке лишь одного аффикса субъектного залога, а именно — *-um-*, имеющего вариант *m-* при присоединении к глагольным основам на *pag-*, *pang-*, *paki-* и т.д., вместо того чтобы выделять целый ряд аффиксов субъектного залога — *-um-*, *tag-*, *tang-*, *maki-*, *ma-*, *maka-*, которые совмещают в себе залоговые, аспектуальные, модальные и другие значения. В-третьих, данная трактовка позволяет отождествить *n-* в формах завершенного и незавершенного вида субъектных глаголов типа *nagkaloob/nagkakaloob* и *nangako/nangangako* с видовым аффиксом *-in-*, с помощью которого образуются аналогичные видовые формы несубъектных глаголов (например, *ipinagkaloob/ipinagkakaloob* и *ipinangako/ipinangagako*). В-четвертых, при такой трактовке в отличие, например, от второй или третьей трактовок *pag-*, *pang-* и т.д. толкуются не как сочетание аффиксов *p-* и *-ag-* или как один аффикс, в котором происходит чередование согласных, а как цельные аффиксы, что выглядит более правдоподобным, если принять во внимание существование в тагальском языке аффиксов *pag-*, *pang-* и т.д., использующихся для образования так называемых деепричастных форм глагола и отглагольных существительных (например, *lumakad* ‘ходить’ → *paglakad* ‘ходьба’, *magkaloob* ‘дарить’ → *pagkakaloob* ‘дарение’, *pumasok* ‘входить’ → *pagpasok* ‘войдя’). Конечно, в случае с так называемыми деепричастными формами и отглагольными существительными аффиксы *pag-* и т.д. обладают иным значением, нежели в несубъектных глаголах, коррелирующих с субъектными *tag-* и т.д. глаголами, тем не менее, как нам представляется, подход, при котором *pag-* в последнем случае трактуется как цельный аффикс, является более последовательным, так как для тагальского языка характерна ситуация, когда одна и та же форма используется для выполнения разных функций и передачи разных значений, например, суффикс *-an*, способный быть показателем реципрока (*tulong* ‘помощь’ — *tulangan* ‘взаимопомощь’), социатива (*awit* ‘песня’ — *awitan* ‘хоровое пение’), показателем существительных со значением места хранения, изготовления, культивации, добычи, нахождения, действия и т.д. (*aklat* ‘книга’ — *aklatan* ‘библиотека’, *halaman* ‘растение’ — *halamanan* ‘сад, огород’), в сочетании с двусложной редупликацией корня показателем существительных со значени-

ем имитации того, что обозначено производящей основой (*digma* ‘война’ — *digma-digmaan* ‘игра в войну’) и показателем адресатного залога в глаголах (*ngumiti* ‘улыбаться’ — *ngitian* ‘улыбаться кому’) или, например, служебное слово *nang*, которое может быть показателем объектного дополнения, агентивного дополнения, именного определения, временным союзом ‘когда’ или лигатурой.

Стоит, однако, обратить внимание на то, что вне зависимости от того, какой трактовки мы придерживаемся, нельзя рассматривать все несубъектные глаголы в тагальском языке как производные от соответствующих субъектных глаголов. Даже если мы принимаем одну из трактовок, при которых субъектные *tag-*, *tang-* и т.п. глаголы предстают как менее сложные, чем соответствующие несубъектные *pag-*, *pang-* и т.п. глаголы, эту характеристику нельзя считать определяющей для тагальской залоговой системы, так как такой тип соответствия между субъектными и несубъектными глаголами, который существует между субъектными *tag-* и т.п. глаголами и несубъектными *pag-* и т.п. глаголами, не самый распространенный в тагальском языке.

Необходимо заметить, что, по мнению Ляо Сючуань, критерий формальной сложности залоговой формы глагола не может быть признан надежным показателем производности, в доказательство чего она приводит факты из полинезийских языков тонга и самоа, в которых, как утверждается, эргативный глагол имеет более сложную морфологию, чем антипассивный глагол:

(9) <i>Sā</i>	<i>va'aiina</i>	<i>e</i>	<i>Tai</i>	<i>Le</i>	<i>fafine.</i>
PST	видеть-Cia	ERG	Таи	DEF	женщина

‘Таи увидел женщину’.

(10) <i>Sā</i>	<i>va'ai</i>	<i>Tai</i>	<i>i</i>	<i>le</i>	<i>fahine.</i>
PST	видеть	Tai	OBL	DEF	женщина

‘Таи увидел женщину’.

В примере (9) из языка самоа использован глагол *va'aiina* ‘видеть’, который, согласно Ляо Сючуань, является эргативным, несмотря на то что имеет аффикс *-ina*, который отсутствует

у антипассивного глагола *va'ai* в (10), т.е. более сложная морфологически форма глагола признается исходной, тогда как менее сложная форма — производной [Liao 2004: 203].

Поскольку мы не владем самоанским языком, нам трудно судить о справедливости выводов, которые делает Ляо Сючуань, и об основаниях, на которых языки тонга и самоа признаются эргативными, тогда как другие полинезийские языки, такие как гавайский и таитянский, обладающие схожей глагольной морфологией, признаются аккумулятивными. Стоит отметить, однако, что, даже если мы принимаем точку зрения Ляо Сючуань, это никоим образом не влияет на выводы, к которым мы приходим, используя результаты, полученные с использованием других критериев производности/исходности залоговых конструкций.

Критерий полноты выражения семантических единиц

Критерий полноты представленности семантических участников ситуации синтаксическими актантами предполагает, что в производных конструкциях один из участников (субъект действия при пассивной трансформации или объект действия при антипассивной трансформации) утрачивает статус обязательного члена синтаксического уровня, которым он обладал в исходной конструкции, и становится необязательным членом конструкции, который может быть опущен.

Некоторые исследователи используют данный критерий для доказательства неадекватности описания тагальского языка ни как аккумулятивного, ни как эргативного (например, см.: [Shibatani 1988: 91–94; Foley 1998: 5–7, 10–24]). Так, утверждается, что ни агентивное дополнение в тагальских несубъектных конструкциях, ни объектное дополнение в субъектных конструкциях в общем случае не являются необязательными членами, которые можно опустить. Как правило, наличие агентивного дополнения и объектного дополнения, если их нельзя восстановить из контекста, обязательно, что идет вразрез со свойствами типичной пассивной или антипассивной конструкции.

Необходимо сказать, однако, что невозможность опустить агентивное и объектное дополнения в тагальском языке не является строгим правилом, так как существуют конструкции, в кото-

рых они все-таки опускаются, поскольку агенс или объект представляет собой абстрактный партиципant или неизвестен. Рассмотрим следующую субъектную конструкцию:

(11) <i>Masama</i>	<i>siyang</i>	<i>Makatingin,</i>	<i>parang</i>
плохой	3SG.ANG-LK	INF.AV(maka-).смотреть	будто-LK
<i>mangangain</i>		<i>Ng</i>	<i>tao</i> [IX: 53].
CONTASP.AV(mang-).есть-кусочками	NG	человек	

‘Она смотрит недобрым взглядом, будто поедает человека’ (букв. ‘Плохо она **может-смотреть**, будто ест-по-кусочкам человека’).

Глагол *makatingin* ‘смотреть’ в (11) описывает ситуацию с абстрактным объектом, а не конкретным, поэтому он употреблен без объектного дополнения, которое невозможно восстановить из контекста. Однако все-таки чаще в конструкции с субъектным глаголом, в семантическое толкование которого входит объект, последний должен быть выражен, чтобы предложение было полным; опущение такого объекта приводит к эллипсису.

(12) <i>Hindi</i>	<i>siya</i>	<i>makatingin</i>	<i>kay</i>	<i>Pol</i> [VIII: 111].
		INF.AV(maka-).		
NEG	3SG.ABS	мочь-смотреть	PERS.SG.SA	Пол

‘Он не мог **смотреть на Пола.**’

В примере (12) глагол *makatingin* ‘смотреть’ имеет объектное дополнение, которое не может быть опущено, так как в таком случае предложение окажется неполным.

Аналогичным образом обстоит ситуация и с несубъектными конструкциями.

В заключение обсуждения данного критерия следует сказать о том, что Ляо Сючуань выдвигает возражение также против и его использования для определения производности/исходности конструкций. Как она утверждает, при антипассивизации, которая представляет собой операцию детранзитивизации, не всегда происходит уменьшение синтаксической валентности глагола. Таким образом, по мнению Ляо Сючуань, то, что объектное дополнение в субъектной конструкции в тагальском языке не становится кос-

венным членом, еще не означает того, что субъектная конструкция не является антипассивной [Liao 2004: 209–210]. Впрочем, это, разумеется, не означает и того, что субъектная конструкция является антипассивной, так как если мы принимаем данное выражение, то для доказательства антипассивности субъектной конструкции в тагальском языке необходимо обнаружить другие свидетельства, которых, однако, как нам представляется, нет.

Критерий текстовой частотности конструкций

Нехарактерная для аккумулятивных языков частотность несубъектных конструкций, которая в свое время побудила исследователей к созданию концепции фокусной системы для того, чтобы уйти от описания тагальской залоговой системы как состоящей из актива и пассива, указывает на принципиальное отличие тагальских несубъектных конструкций от типичных пассивных, частотность которых значительно ниже, чем частотность активных конструкций. Так, М. Сибатани приводит данные из английского языка (12 % конструкций — пассивные, 88 % — активные), японского языка (18 % — пассивные, 82 % — активные), тогда как для филиппинских языков М. Сибатани и А. Маклахлан приводят данные из разных источников, согласно которым 24–52 % конструкций — субъектные, 30–76 % — несубъектные. На основании приведенных данных М. Сибатани и А. Маклахлан делают вывод, что тагальские субъектные и несубъектные конструкции по критерию текстовой частотности не проявляют свойств типичных исходных и производных конструкций в других языках [Shibatani 1988: 91–96; Maclachlan 1996: 36–37].

Возражение Ляо Сючуань, согласно которой количественное соотношение в текстах активов и пассивов в аккумулятивных языках может отличаться от соотношения эргативов и антипассивов в эргативных языках [Liao 2004: 200], можно опровергнуть на основании данных, которые М. Сибатани приводит для австралийского языка варрунгу, где всего около 11 % предложений в текстах являются антипассивными, и эскимосского языка, где 4,9 % антипассивных предложений, что говорит о том, что в эргативных языках, по-видимому, соотношение эргативных и антипассивных конструкций является сопоставимым с соотношением активных и пас-

сивных конструкций в аккузативных языках [Shibatani 1988: 113].

Наши подсчеты частотности глаголов разных залогов в тагальских текстах дают схожие результаты (в подсчеты не были включены номинализованные глаголы и глаголы, выступающие в функции определения, так как используемый залог в таких случаях, как правило, зависит от того, какой участник ситуации обозначается глаголом): из 859 глагольных конструкций 425 (49,3 %) являются субъектными, 384 (45 %) — пациенсными, 43 (5 %) — адресатными, 1 (0,1 %) — инструментальными, 3 (0,3 %) — бенефактивными и 3 (0,3%) — каузальными¹³.

Приведенные данные, несмотря на их ограниченность, можно все-таки считать представительными, поскольку отчетливо видна тенденция приблизительно равного употребления глаголов субъектного и пациенсного залогов в тагальских текстах различной жанровой принадлежности.

Разительное отличие конструкций адресатного, бенефактивного, инструментального и каузального залогов по данному критерию побудило А. Маклахлан допустить, что они могут быть признаны вторичными по отношению к «исходным» субъектной и пациенсной [MacLachlan 1996: 36–37]. Однако, как нам представляется, на основании одного лишь факта значительно меньшей частотности конструкции других залогов кроме субъектного и пациенсного нельзя прийти к выводу, который предлагает А. Маклахлан. Признание существования в тагальском языке системы, которую предлагает А. Маклахлан, привело бы к признанию существования двух подсистем тагальского залога, в одну из которых входят субъектный и пациенсный залогов, а в другую — все остальные. Функционирование этих двух подсистем должно бы было основываться на двух группах правил: первая группа

¹³ Подсчеты проводились в следующих текстах: Reyez J.C. Tutubi, Tutubi, 'Wag Kang Magpahuli sa Mamang Salbahe. Quezon City, 2004 (худ. текст); Reyes E.M. Sa Mga Kuko Ng Liwanag. Quezon City, 2007 (худ. текст); Nolasco R.Ma. Ang Pagkatransitibo at Ikinaergatibo ng mga Wikang Pilipino: Isang Pagsusuri sa Sistemang Bose. Ph.D.Dissertation. University of the Philippines-Diliman, Diliman, Quezon City, 2003 (науч. текст); Paz C.J. Gabay sa fildwurk. Quezon City, 2005 (учеб. текст); Pinas, Blg.4, Mayo 26 — Hunyo 1, 2008. Manila (газета); Biblia, Tagalog popular version. Philippine Bible Society. Manila.

определяла бы выбор залога внутри каждой подсистемы, т.е. между субъектным и пациенсным или между адресатным, бенефактивным, инструментальным, каузальным; вторая группа должна была бы определять выбор между залогами из двух подсистем, т.е., например, между пациенсным и бенефактивным или субъектным и бенефактивным и т.д. Таким образом, для принятия этой интерпретации тагальской залоговой системы необходимо обосновать наличие таких наборов правил. Как нам представляется, меньшая частотность конструкций несубъектного и пациенсного залогов обусловлена только более редкостью таких семантических участников ситуаций, как адресат, бенефициент, инструмент, причина и т.д., относительно актора и пациенса.

Ляо Сючуань приводит также в поддержку эргативного анализа тагальского языка следующий аргумент: как она утверждает, несубъектные глаголы намного чаще субъектных используются в императивных конструкциях. Данное утверждение, однако, нуждается в тщательной проверке. Кроме того, даже если несубъективные императивы действительно являются более частотными, чем субъективные, правомерность использования одного лишь этого факта для признания первичности всех несубъектных конструкций над всеми субъектными вызывает большие сомнения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что по критерию текстовой частотности определить какую-либо из залоговых конструкций, например субъектную или пациенсную, как основную невозможно.

Критерий ограничений на дистрибуцию конструкций

Под ограничениями, налагаемыми факторами прагматики, на дистрибуцию конструкций разных залогов в отношении тагальского языка следует рассматривать гипотезу, ставшую весьма распространенной в исследованиях, посвященных филиппинским языкам, об особом значении референтного статуса объекта действия при выборе залога. Гипотеза эта заключается в том, что при наличии определенного или, согласно другим исследователям, конкретного (*specific*) объекта в конструкции должен быть ис-

пользован глагол одного из несубъектных залогов. Если же объект является неопределенным/неконкретным (non-specific)/неферментным, он не может выступать в конструкции в функции подлежащего, соответственно, при отсутствии определенного/конкретного объекта в конструкции должен быть использован глагол субъектного залога. Этой позиции, являющейся одной из самых распространенных точек зрения на принципы, определяющие функционирование тагальской залоговой системы, придерживались исследователи начиная еще с конца XIX — начала XX в. (Х. Рисаль, Л. Блумфилд, М. Паглинаван [Garcia 1992: 33, 94; Nolasco 2003: 27]) вплоть до конца XX в. (К. Макфарланд [French 1988: 16–17], П. Шахтер и Ф. Отанес [Schachter & Otanes 1972: 60], С. Староста, Э. Поли, Л. Рид [Starosta, Pawley, Reid 1982: 151], Л.И. Шкарбан [Шкарбан 1995: 113], А. Маклахлан [Maclachlan 1996: 86]). Процветает данное представление и в настоящее время (Ляо Сючуань [Liao 2004: 162–172] и М. Катагири [Katagiri 2005: 15]).

Некоторые сторонники эргативного подхода, например С. Староста, Э. Поли и Л. Рид [Starosta, Pawley, Reid 1982: 151] и Ляо Сючуань [Liao 2004: 162–172], использовали представление о том, что при наличии определенного объекта именно он становится подлежащим конструкции, как свидетельство в пользу того, что тагалог является эргативным языком, так как в эргативных языках наблюдается предпочтительность к выбору именно объекта в качестве абсолютного члена конструкции.

Другие исследователи, в число которых входят Т. Рафаэль [Rafael 1978: 38], Н. Химмельманн [Himmelmann 1991: 39] и Р. Ноласко [Nolasco 2003: 100, 109–110], однако, отвергают данную гипотезу и утверждают, что любой участник ситуации в любой синтаксической функции может обладать как значением определенности, так и значением неопределенности.

Собранные нами примеры свидетельствуют о том, что далеко не всегда референтный статус объекта связан с выбором залога и тем, в какой синтаксической функции выступает объект.

Во-первых, объект может выступать в функции подлежащего, не обладая при этом определенной референтностью.

- (13) ...*na lalong naghangad na gapiin ang alinmang kalaban* [I: 16].
 INF.PV(-in).
 одолевать ANG любой-LK враг

‘который еще больше захотел **одолевать любого врага**’.

Во-вторых, объект может выступать в функции подлежащего, являясь нереферентным.

- (14) ...*inaasam ni Romy na magkaroon*
 IMPASP.PV(ø).желать PERS.SG.NG Рومي LK INF.AV(mag-).приобретать
ng maraming supling upang lumago ang kanilang
 INF.AV(-um-).
 NG многие-LK отпрыск чтобы разрастаться ANG 3PL.NG-LK
angkan [II: 154].

род

‘...Роми очень **хотел завести много детей**, чтобы их род преумножился’.

- (15)
Mahalaga ang pagpapaabot at pagpapalitan ng kaalaman o mga kaisipan upang
makamit ang tagumpaysa anumang
 INF.PV(ma-).
 достигать ANG победа SA какой-бы-то-ни-было-LK
larangan [II: 140].

сфера

‘Важно передавать и обмениваться знаниями и мыслями для достижения победы в любой сфере’ (букв. ‘Важна передача и обмен знания или мыслей, чтобы **достичь победы** в какой-бы-то-ни-было сфере’).

В-третьих, объектное дополнение может иметь определенную референтность, т.е. определенный объект не должен обязательно становиться подлежащим конструкции.

- (16) *Bakit ka nagbabasa nito?* [IX: 6]
 почему 2SG.ANG IMPASP.AV(nag-).читать DEM.NG

‘Почему ты **это читаешь**?’

В-четвертых, гипотеза о значимости референтного статуса объекта не способна объяснить, чем обусловлен выбор залога в конструкциях, в которых используются однокоренные глаголы разных залогов, при том что их объекты не различаются по референтному статусу, а также в конструкциях с трех- и более валентными глаголами:

- (17) «*Hano sa palagay mo, Hed, aaraw kaya?*» *halos sabay silang*
одновременно 3PL.
почти менный ANG-LK
«*Manipis na ang ulap sa*
sumulyap sa papawirin, gawing
PERFASP.AV(-um-) .взглянуть SA небо
silangan, pero paano matutuyo ang lupa sa loob ng” - *sinulyapan*
PERFASP.DV(-an).
взглянуть
ni Ed ang kaniyang relo
PERS.SG.NG Эд ANG 3SG.NG-LK часы
“*isang oras at labintatlo — labindalawang minuto...?* [II: 76]

‘«Как ты считаешь, Эд, выйдет ли солнце?» — почти одновременно они **взглянули на небо**. — «Облака на востоке уже тонкие, но как земля сможет высохнуть в течение, — Эд **взглянул на свои часы** — одного часа и тринадцати-двенадцати минут?...»’

В примере (17) использованы два однокоренных глагола со значением «взглянуть» — *sumulyap* субъектного залога и *sulyapan* адресатного залога. Объект первого — *papawirin* ‘небо’, выступающий в функции дополнения, и объект второго — *kanyang relo* ‘его часы’, выступающий в функции подлежащего, по референтному статусу не различаются, что указывает на отсутствие зависимости от него выбора залога.

Следующие примеры предложений с трехвалентными глаголами также представляют трудности для признания значимости референтного статуса объектов при выборе залога.

(18) *Si Pangulong Aguinaldo sa pagbubukas ng Kongreso sa Barasoain na siyang nagtatag sa ating*
 PERS.SG.ANG президент-LK Агинальдо SA открытие NG конгресс SA
 Барасоаин LK то-LK учреждать SA 1PL.INCL.NG-LK
Republika ay nagbigay ng ganitong payo sa ating
 республика PART давать NG такой-LK совет 1PL.INCL.SA
mga kababayan... [V: 145].
 PL соотечественник

‘Президент Агинальдо на открытии Конгресса в Барасоаин, который основал нашу Республику, **дал нашим соотечественникам такой совет**’.

(19) *Ibinigay niya ito sa matanda* [II: 84].
 PERFASP.PV(i).давать 3SG.NG DEM.ANG SA старый
 ‘Он **дал его старику**’.

(20)
Uso ang body bag sa mga kabataan kaya naman naisip ng walker underwear na bigyan nito ang mga tumatangkilik Sa kanilang produkto [VII: 15].
 INF.DV(-an).давать DEM.NG AG PL IMPASP.AV(-um).поддерживать SA
 3PL.NG-LK продукция

‘Сумки популярны среди молодежи, поэтому walker underwear решили **давать их тем, кто поддерживает их продукцию**’.

В каждом из примеров (18)–(20) употреблен глагол «давать», который во всех трех случаях имеет помимо субъекта еще по два актанта, обозначающие пациенс (*ganitong payo* ‘такой совет’ в (18), *ito* ‘это, он, они’ в (19) и *nito* ‘это, он, они’ в (20) и адресат действия (*ating mga kababayan* ‘наши соотечественники’ в (18), *matanda* ‘старик’ в (19) и *mga tumatangkilik sa kanilang produkto* ‘поддерживающие их продукцию’ в (20), все из которых не отличаются друг от друга по своему референтному статусу. Несмотря на это, в примере (18) использован субъектный залог, в (19) — па-

циенный залог, а в (20) — адресатный залог. Определенностью объекта, как нам представляется, выбор залога в подобных случаях объяснить невозможно.

Таким образом, мы вынуждены не согласиться с тем, что выбор залога в тагальском языке полностью зависит от референтного статуса объекта, на основании существования множества случаев, которые противоречат данной гипотезе либо не могут быть объяснены ею.

Гипотеза транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон

Некоторые исследователи используют для доказательства эргативной сущности тагальского языка так называемую гипотезу транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper&Thompson 1980]. Согласно этим исследователям, в число которых входят Р. Ноласко [Nolasco 2003], Ляо Сючуань [Liao 2004: 162–172] и М. Саклот [Saclot 2006], гипотеза транзитивности позволяет установить основную переходную конструкцию в спорных случаях, определив, какая из конструкций, претендующих на это звание, проявляет признаки более высокой семантической транзитивности.

Ниже будет рассмотрена в основном работа Р. Ноласко, так как М. Саклот ссылается на уже переработанную им версию гипотезы, а Ляо Сючуань не рассматривает действие гипотезы применительно к тагалогу так подробно, как это делают другие авторы.

Р. Ноласко [Nolasco 2003; 2005] вносит некоторые изменения в гипотезу транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон, заменив пять из десяти параметров, предложенных авторами гипотезы: «намеренность» (intentionality), «определенность» (particularity), «направленность» (directionality), «усилие» (effort) и «выделенность Р» (exclusivity of P¹⁴) вместо «преднамеренность» (volitionality), «утвердительность» (affirmativity), «наклонение» (mode), «агенность» (agency) и «индивидуация О» (individuation of O). Р. Ноласко рассматривает каждый из десяти параметров, иллюстрируя их действие примерами, которые призваны показать, что в тагальском языке для несубъектных глаголов параметры принимают значения высокой транзитивности, тогда как для субъект-

¹⁴ Вместо символа О Р. Ноласко использует Р.

ных глаголов — значение низкой транзитивности. Этот факт Р. Ноласко использует для обоснования того, что несубъектные конструкции в тагальском языке являются грамматически транзитивными, а субъектные — интранзитивными.

Анализ гипотезы Р. Ноласко представляет некоторые трудности, связанные с тем, что во многих случаях толкование семантики предложений, приводимых им в качестве иллюстраций действия параметров, нельзя проверить на соответствие действительности ввиду отсутствия каких-либо формальных признаков, которые могли бы указывать на существование того или иного оттенка в значении, о котором говорит Р. Ноласко. Что касается контекста, то из него также зачастую невозможно почерпнуть какие-либо указания на то, в каком ключе следует понимать данное высказывание и действительно ли в нем содержится то или иное особое значение, о котором говорит автор гипотезы. Это свидетельствует о следующем: не исключена вероятность того, что противопоставление значений субъектных и несубъектных конструкций, которое Р. Ноласко привязывает к десяти параметрам, может быть сопряжено с высокой степенью произвольности в толковании предложений, обусловленной тем, что автор концепции полагается главным образом на свою языковую интуицию, которая не всегда может приводить к верным выводам и обобщениям. Данное утверждение можно проиллюстрировать примером, который Р. Ноласко приводит на параметр «активность»:

(21) *Naghihintay na lang ako ng resulta sa Board.*

IMPASP.AV(nag-). уже только 1SG.ANG NG результат SA комиссия
ждать

‘Я уже только **жду** результатов от комиссии’.

(22) ...*Matagal ka naming hinintay...*

долго 2SG.ANG 1PL.EXCL.NG-LK PERFASP.PV(-in-).ждать

‘Мы тебя долго **ждали...**’ [Nolasco 2003: 114].

На вопрос, почему в предложении (21) использован глагол *maghintay*, т.е. субъектного залога, а в предложении (22) — *hintayin* пациенсного залога, Р. Ноласко отвечает следующим образом. Между двумя конструкциями существует различие в значении: конструкция (21) описывает ситуацию ожидания, при которой

неизвестно, наступит или появится ли ожидаемое, поэтому действие нельзя назвать «активным», соответственно, оно ближе к состоянию. Конструкция (22), напротив, описывает ситуацию, в которой ожидание предполагает некие установленные временные рамки, договоренность либо известность о времени наступления ожидаемого, соответственно, глагол в данном случае описывает не состояние, а действие. Необходимо заметить, что в таком объяснении отсутствуют какие-либо указания на те или иные формальные признаки, которые позволяли бы установить названное отличие в семантике двух конструкций. Из контекста же такую информацию о семантике конструкций извлечь невозможно. Таким образом, все различие по данному параметру, которое Р. Ноласко проводит между глаголами разных залогов, сводится лишь к весьма расплывчато сформулированному определению, основывающемуся на семантике, которое, кроме того, проблематично применять к другим глаголам.

Прямые контраргументы или некоторые возражения косвенного характера, противоречащие утверждениям Р. Ноласко, можно найти на каждый предлагаемый им параметр, однако основным недостатком его работы следует считать то, что он фактически не объединяет предоставляемые параметры в систему: в его работах [Nolasco 2003, 2005] имеется слишком мало разъяснений о том, как взаимодействуют различные семантические условия, определяющие, согласно Р. Ноласко, выбор конструкции того или иного типа. Вариантов такого взаимодействия может быть два.

Первый вариант заключается в том, что синтаксически транзитивная конструкция, которой в представлении Р. Ноласко является конструкция несубъектного залога, по всем или по большинству из десяти параметров проявляет признаки высокой степени переходности, тогда как интранзитивная конструкция, т.е. конструкция субъектного залога, — признаки низкой степени переходности по всем или большинству из десяти параметров. Р. Ноласко высказывается в поддержку данной точки зрения в своей работе лишь мимоходом, заявляя о том, что одна семантическая характеристика, принимая значение транзитивности или интранзитивности, коррелирует с другими характеристиками, которые также принимают то же значение, что

и первая¹⁵. Такая позиция имеет один большой недостаток: ее легко опровергнуть с помощью примеров, где конструкция, описывающая определенную ситуацию, в которой большинство из десяти семантических параметров принимает значение высокой степени переходности, несмотря ни на что, используется в субъектном залоге, и наоборот, ситуация, для которой большинство параметров имеет значение низкой степени переходности, передается конструкцией одного из несубъектных залогов. Рассмотрим предложение, представленное в примере (18), в отношении того, какие значения в его случае принимают параметры Р. Ноласко:

- 1) число участников — три,
- 2) активность — так как Р. Ноласко не предоставляет никаких формальных инструментов для определения того, описывает глагол действие или состояние, мы вынуждены воздержаться от того, чтобы рассматривать ситуацию, описываемую глаголом *tagbigay* ‘давать’ как действие или состояние,
- 3) вид — завершённый,
- 4) пунктуальность — пунктуальное¹⁶,
- 5) намеренность¹⁷ — намеренное (мы затрудняемся толковать ситуацию, в которой президент дает соотечественникам совет на

¹⁵ «Sadya kong ipinakita na ang isang partikular na semantikong katangian sa isang hanay ng pagkatransitibo ay may korelasyon sa iba pang katangian sa parehong hanay» [Nolasco 2003: 126].

¹⁶ Параметром «пунктуальность» (punctuality) Р. Ноласко проводит границу между действиями, которые осуществляются без какой-либо переходной фазы между началом и завершением (punctual), и действиями, которые такой фазой обладают (non-punctual) («Ang isang kontensyon ay: ang mga panlaping boses ang nagtatakda kung titingnan ang isang pangyayari nang buo at daglian (kung ito ay isang buong pangyayari nang walang pagsasaalang-alang sa kanyang internal na istruktura) o matagalan (kung ito ay isang pangyayari na tumatagal)» [Nolasco 2003: 104]).

¹⁷ Параметром «намеренность» (intentionality) Р. Ноласко проводит границу между действиями «намеренными» (deliberate) и «произвольными» (volitional). Действие является «произвольным», если оно определяется природой вещи или человека, совершающего или переживающего действие («Sa akdang ito, «kusa» ang aksyon kung ito ay itinatakda ng kalikasan na rin ng bagay o personang gumagawa o dumadanas ng aksyon» [Nolasco 2003: 95]), а «намеренное» действие предполагает сознательное приложение усилий для его выполнения («Sadya ang isang aksyon, kung sa tingin ng tagapagsalita ay pinagsusumikapan ng isang pinakaahenteng argumento ang isang aksyon patungo sa isang pinakapasyente na argumento» [Nolasco 2003: 95]).

конгрессе, как «естественную и закономерную»: в такой же степени естественно было бы, если бы президент не давал вовсе никаких советов, поэтому мы классифицировали данное действие как «намеренное»),

6) определенность¹⁸ — если применительно к данной ситуации вообще уместно говорить о его распознавании как «определенной» или «общей», то, по-видимому, нельзя считать иначе, как то, что президент хотел дать именно тот совет, который он дал, и поэтому ситуация является «определенной»,

7) направленность¹⁹ — внешняя,

8) усилие²⁰ — с усилием,

9) задействованность P²¹ — в случае с данным параметром неясно, как можно классифицировать ситуацию «давания совета кому-либо» иначе, как в которой объект, т.е. «совет», задействован целиком. Невозможно представить, что в этой ситуации действие охватывает лишь часть объекта.

¹⁸ Параметром «определенность» (particularity) Р. Ноласко проводит границу между действиями «определенными» (particular), под которыми понимаются такие действия, которые нацелены на конкретный объект и в которых у субъекта существует определенная необходимость, и действиями «общими» (general), под которыми понимаются действия, не нацеленные на конкретный объект («Ang isang kilos ay tiyak kung sa paglalarawan ng ispiker sa aksyon ay may tiyak na pangangailangan, o layunin o pakay ang isang kalahok para sa nasabing kilos. Di tiyak ang isang kilos kung pinalalabas ng ispiker na disimulado ito o di kayay hindi nakatuon sa isang particular na layunin o bagay na pinatutungkulan ng isang aksyon» [Nolasco 2003: 86]).

¹⁹ Параметром «направленность» (directionality) Р. Ноласко проводит границу между действиями с «внешней направленностью» (external), т.е. действиями, имеющими некие внешние причины или субъект которых действует в интересах кого-то другого, и действиями со «внутренней направленностью» (internal), т.е. действиями, не имеющими каких-либо внешних причин либо совершаемыми субъектом в своих собственных интересах [Nolasco 2003: 121–126].

²⁰ Параметром «усилие» (effort) Р. Ноласко проводит границу между действиями, требующими усилий (effortful), и действиями, не требующими усилий (effortless) [Nolasco 2003: 116–119].

²¹ Параметром «задействованность Р» (affectedness of P) Р. Ноласко проводит границу между действиями, в которых объект полностью охвачен действием (P totally affected), и действиями, в которых объект оказывается задействованным не весь (P not affected) [Nolasco 2003: 99–104].

10) выделенность P^{22} — выделенный P , так как из сказанного в предложении нельзя извлечь никакой информации о том, было ли направлено действие «давания» на что-либо еще. Единственным объектом действия в данной ситуации является «совет».

Таким образом, по девяти параметрам (десятый параметр — «активность» — сформулирован слишком расплывчато, что не позволяет установить, как данную конструкцию следует трактовать с позиции определения, предлагаемого Р. Ноласко) ситуация, представленная в предложении (18), проявляет признаки высокой степени транзитивности. Тем не менее вопреки всем предсказаниям Р. Ноласко, она передается конструкцией в субъектном залоге.

Второй возможный вариант взаимодействия семантических условий, описываемых параметрами Р. Ноласко, заключается в том, что в каждом отдельном случае для выбора залога значимым оказывается действие лишь нескольких или даже только одного из десяти параметров. При такой точке зрения против гипотезы Р. Ноласко также встает ряд трудностей.

Во-первых, в тагальских текстах встречаются предложения, в случае с которыми все параметры (по крайней мере те, значение которых возможно установить) принимают одно значение — низкой или высокой степени транзитивности, однако выбор залога оказывается противоположным, т.е. несубъектный или субъектный соответственно. Примером такого случая является предложение (18), проанализированное выше.

Второй проблемой, встающей на пути признания гипотезы Р. Ноласко, если считать, что определяющим для выбора залога может быть и всего один параметр из десяти, является то, что при таком подходе неясно, как взаимодействуют разные параметры друг с другом, существует ли какая-либо иерархия параметров, каким образом можно установить, какой из параметров отвечает за выбор залога в каждом конкретном случае. На существование этой проблемы указывает в том числе тот факт, что сам Р. Ноласко

²² Параметром «выделенность P » (exclusivity of P) Р. Ноласко проводит границу между действиями с единственным объектом (exclusive P) и действиями со множеством объектов (non-exclusive P) [Nolasco 2005: 18–20].

некоторые примеры, использованные в его диссертации [Nolasco 2003] как иллюстрации параметров, приводит в статье [Nolasco 2005] как иллюстрации уже других параметров:

(23) ...*gi=undang* ko na ang pagpanigarilyo...

PAST=прекращать.TR(-un) 1ERG.SG уже ABS курение

‘Я уже **бросил** курить...’

Sds(24) ...*mi=undang* ko na sa pagpanigarilyo...

INT.PAST=прекращать 1ABS уже OBL курение

‘Я уже **бросил** курить...’ [Nolasco 2005: 13].

В статье Р. Ноласко использует данные примеры из филиппинского языка себуано как иллюстрацию параметра «намеренность», заявляя, что в (23) пациенсный глагол *giundang* ‘прекращать’ передает ситуацию, в которой бросание курения предполагает значительную «дисциплинированность» со стороны субъекта, а в (24) субъектный глагол *miundang* ‘прекращать’ передает ситуацию как простое сообщение о факте²³. В диссертации же Р. Ноласко приводит аналогичные примеры как иллюстрацию параметра «направленность», утверждая, что несубъектная конструкция передает ситуацию, где субъект бросил курить вследствие внешних причин, а субъектная конструкция — ситуацию, где субъект бросил курить вследствие причин внутренних [Nolasco 2003: 123]. Возникает вопрос, какая залоговая конструкция была бы использована, если бы автор хотел передать ситуацию, в которой, например, для того чтобы бросить курить, от субъекта требуются значительные усилия (или «дисциплинированность»), однако действие не является завершённым, т.е. субъект находится в процессе бросания курения? Была бы использована субъектная конструкция, так как параметр «вид» принимает значение низкой степени транзитивности, или же несубъектная конструкция, так как параметр «намеренность» принимает значе-

²³ «(31a) comes from a column of Greg Laconsay in the Bisaya magazine. The verb *giundang* denotes that it took a large amount of discipline on the part of the author to stop smoking. (31b) is a colorless and bland way of describing the event in a matter-of-fact fashion» [Nolasco 2005: 13].

ние высокой степени транзитивности? Какая конструкция была бы использована для описания ситуации, в которой от субъекта требуется «дисциплинированность», но курить он бросает по неким внутренним причинам, и почему? Ответы на подобные вопросы Р. Ноласко не дает и даже не указывает на возможные варианты их решения.

Третьей проблемой для признания гипотезы Р. Ноласко является то, что в тагальских текстах обнаруживаются пары конструкций, в которых глаголы, образованные от одного корня, отличаются залогом, однако какие-либо различия в их семантике, основываясь на параметрах Р. Ноласко, вывести не представляется возможным.

(25)

Kapag ang ningas nito ay napakaliwanag, umasang
 если ANG пламя DEM.NG PART очень-яркий INF.AV(um-).ожидать-LK
may tatanggaping isang magandang balita... [X: 142].
 есть CONTASP.PV(-in).получать-LKодин-LK красивый-LK новость

‘Если его пламя очень яркое, **ждите** хороших новостей’ (букв. ‘Если пламя его очень яркое, **ждите** (что) есть будет-полученная одна красивая новость’).

(26)

Kapag kayo’y nakaatoy ng kandila nang wala
 если 2PL.ANG PART PERFASP.AV(naka-).чуть-запах NG свеча когда нет
namang kandilang Sinindihan, asahang may
 EMPH-LK свеча-LK PERFASP.PV(-an).зажигать INF.PV(-an). есть
 ожидать-LK
multong dumadalaw sa inyong tahanan [X: 142].
 призрак-LK IMPASP.AV(-um-).посещать SA 2PL.NG-LK жилище

‘Если вы почували запах свечи, хотя рядом нет зажженной свечи, **знайте**, что ваш дом посещает призрак’ (букв. ‘Если вы почували-запах свечи, когда нет свечи зажженной, **ждите** (что) есть призрак, посещающий ваше жилище’).

Глаголы *umasa* и *asahan* в примерах (25) и (26), относящиеся к разным залогам, не проявляют, однако, различий по параметрам Р. Ноласко.

Четвертой проблемой на пути рассматриваемой гипотезы является тот факт, что в тагальском языке от одной основы могут образовываться глаголы нескольких несубъектных залогов, т.е. несколько различных транзитивных глаголов, согласно Р. Ноласко. Таким образом, возникает вопрос, что влияет на выбор того или иного транзитивного глагола.

(27) *Sa isang iglap ay hinugot niya ang mga lumang bulaklak sa Plorera at ipinalit ang dala*
 SA один-LK миг PART PERFASP.PV(ø).вынимать 3SG.NG ANG PL
 старый-LK цветок SA ваза и PERFASP.IV(i-). ANG ноша
 заменять
ko [II: 112].
 1SG.NG

‘В один миг она вынула старые цветы из вазы и **заменяла** на те, что принес я’ (букв. ‘В один миг вынула она старые цветы из вазы и **использовала-для-замены** принесенное мной’).

(28) *...dapat nating palitan ang marahas na rebolusyon ng rebolusyong kapani-paniwala: liberal, konstitusyonal at Marayapa* [V: 46].
 нужно 1PL.INCL.NG-LK INF.PV(-an).заменять ANG жестокий LK
 революция NG революция-LK вызывающий-доверие либеральный
 конституционный и Мирный

‘Мы должны **заменить** жестокую революцию на революцию, вызывающую доверие: либеральную, конституционную и мирную’.

В примере (27) употреблен глагол инструментального залога *ipalit* с тем участником, на который происходит замена, в функции подлежащего, тогда как в примере (28) употреблен глагол пациенсного залога *palitan* с участником, который заменятся, в функции подлежащего. Как нам представляется, параметры Р. Ноласко не могут объяснить выбор залога в случаях, подобных этому: почему в (27) не использован пациенсный глагол *palitan*, при котором конструкция выглядела бы следующим образом:

(29) *Sa isang iglap ay hinugot niya ang mga lumang bulaklak at pinalitan ng dala ko* — и почему в (28) не использован инструмен-

тальный глагол *ipalit*, с которым конструкция выглядела бы так: (30) ...*dapat nating ipalit ng marahas na rebolusyon ang rebolusyong kapani-paniwala...*

Очевидно, что единственное различие, если исходить из параметров, предложенных Р. Ноласко, в этих двух предложениях, как можно предположить, может быть связано с задействованностью или выделенностью Р, так как все другие условия в обоих предложениях являются равными. В соответствии с гипотезой Р. Ноласко оба предложения следует рассматривать как транзитивные, отличаются они лишь тем, какой из участников становится подлежащим конструкции. Однако мы не находим никаких различий в задействованности или выделенности, как они представлены у Р. Ноласко, между *mga lumang bulaklak* ‘старые цветы’ и *dala ko* ‘принесенное мной’ в (27) и *marahas na rebolusyon* ‘жестокая революция’ и *rebolusyong kapani-paniwala...* ‘революция, вызывающая доверие...’ в (28).

Наконец, значительной проблемой для принятия гипотезы Р. Ноласко является также тот факт, что зачастую выбор того или иного залога обуславливается чисто синтаксическими факторами, о чем упоминает и сам Р. Ноласко [Nolasco 2003: 212–213]. В конструкциях, где глагол выступает в функции определения или актанта, выбор залога этого глагола полностью зависит от того, какую роль в описываемой глаголом ситуации играет сам глагол, используемый в такой функции.

(31)
 ...*pook na pinangyarihan ng pagkuha sa maharlikang*
 место LK PERFASP.LV(-an).происходить NG взятие SA благородный-LK
prinsesa... [V: 196].
 принцесса

‘...место, где была взята благородная принцесса...’ (букв. ‘...место, (где) произошло взятие благородной принцессы...’).

(32)
 ...*para punuin ang aking sinusulatan* [IX: 12].
 чтобы INF.PV(-in).заполнять ANG 1SG.NG-LK IMPASP.LV(-an).писать

‘...чтобы заполнить бумагу, которую я писал.’ (букв. ‘чтобы заполнить мое **то, где писал**’).

В примере (31) глагол *pangyarihan* ‘случаться’ используется в локативном залоге. Выбор залога глагола, используемого в функции определения, обусловлен тем, какую роль в описываемой глаголом ситуации играет определяемое слово. В примере (32) глагол *sulatan* ‘писать’ локативного залога использован в функции подлежащего. Выбор залога такого номинализованного глагола определяется тем, какую роль в ситуации, передаваемом сказуемым, он играет.

Подводя итог, мы можем сказать, что гипотеза Р. Ноласко, основанная на гипотезе транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон, как минимум требует серьезной доработки, поскольку в настоящем виде она не предоставляет адекватное описание залоговой системы тагальского языка, так как вызывает большое число возражений и содержит множество непоследовательностей и несоответствий фактам тагальского языка.

Критерий ограничений на образование залоговых форм и конструкций

Критерий ограничений, наложенных на образование залоговых форм и конструкций, используется в работе [Starosta, Pawley, Reid 1982], авторы которой утверждают, что в тагальском языке неаффиксированные глагольные основы всегда являются эргативными, поскольку подлежащим при них всегда выступает пациенс, а не агенс. Мы можем, однако, привести два возражения, которые, как нам представляется, не позволяют безоговорочно считать наблюдение этих авторов верным.

Во-первых, конструкции с неаффиксированными глагольными основами (т.е. просто корневыми морфемами), вопреки утверждению С. Старосты, Э. Поли и Л. Рида, бывают и «субъектного» типа, т.е. позицию подлежащего при них занимает субъект:

(33) *Sawa na rin ako sa soft drinks at sandwich,*
пресытившийся уже тоже 1SG.ANG SA безалкогольные напитки и сэндвич
mani at butong-pakwan [IX: 191].
арахис и арбузные-семечки

‘Мне уже надоели напитки и сэндвичи, арахис и арбузные семечки’ (букв. ‘Пресытившийся уже тоже я безалкогольными напитками и сэндвичами, арахисом и арбузными семечками’).

- (34) *Galing siya sa palaisdaan* [IX: 209].
 пришедший 3SG.ANG SA рыбоводный-пруд

‘Он пришел от рыбного пруда’ (букв. ‘**Пришедший он** от рыбного-пруда’).

В примере (33) использовано корневое слово *sawa* ‘пресыщение/пресыщенный’, от которого образуются глаголы *magsawa/sumawa/sawaan/kasawaan/pagsawaan/ikasawa* ‘пресыщаться’. Подлежащим, однако, при нем является местоимение *ako* ‘я’, которое обозначает субъекта ситуации. В примере (34) использовано корневое слово *galing* ‘пришедший’, от которого образуются глаголы *manggaling/panggalingan* ‘приходить’. Подлежащим в (34) является местоимение *siya* ‘он’, обозначающее субъекта ситуации.

Второе возражение заключается в том, что вопрос о частеречной принадлежности таких слов, которые могут употребляться вместо полной формы глаголов, не решен. Если такие слова являются существительными или прилагательными, использовать конструкции с ними в качестве аргумента в поддержку эргативного подхода к тагальскому языку нельзя.

Заметим, что в тагальском языке существуют также и другие случаи, когда неаффиксированная форма используется вместо глагола, а именно — императивные конструкции, в которых глагол может быть употреблен в виде корневой морфемы:

- (35) *Umuwi ka na...* [IV: 123].

INF.AV(um-).возвращаться-домой 2SG.ANG уже

‘Иди домой...’ (букв. ‘Вернись домой ты уже...’).

- (36) *Iwan mo nga ako rito* [IV: 123].

оставь 2SG.NG пожалуйста 1SG.ANG DEM.SA

‘Оставь, пожалуйста, меня здесь’.

В конструкции (35) использована полная форма императива глагола *umuwi* ‘возвращаться домой’, тогда как в конструкции (36) в функции императивного глагола используется корневое слово *iwan* ‘оставь’.

Необходимо обратить внимание на то, что на принадлежность таких «сокращенных» императивов к глаголам указывает тот факт, что конструкции с ними, которые являются равнозначными

конструкциям с соответствующими императивными глаголами полной формы, могут образовываться как по несубъектной модели, т.е. с объектом в функции подлежащего, так и по субъектной модели, т.е. с субъектом в подлежащем.

(37) *tigil mo iyang iyong mga kaululan.*
 прекрати 2SG.NG DEM.ANG-LK 2SG.ANG-LK PL глупость
 ‘Прекрати эти свои глупости’.

(38) ...*tigil ka niyang iyong mga kaululan* [IV: 123]
 прекрати 2SG.ANG DEM.NG-LK 2SG.NG-LK PL глупость
 ‘...прекрати эти свои глупости’.

Это, однако, невозможно в случае с неаффиксированными формами, которые не являются императивными. В подобных конструкциях позицию подлежащего может занимать всегда только один партиципant.

(39) *Halos tanaw na niya ang bubong ng kanilang bahay...* [II: 200–201].
 почти видимое-издалека уже 3SG.NG ANG крыша NG 3PL.NG-LK
 дом

‘Он уже почти **видел крышу** их дома...’

Например, конструкция (39) не может быть трансформирована таким образом, что подлежащим в ней будет выступать субъект действия ‘он’, обозначенный в предложении агентивным дополнением *niya*.

Кроме того, на принадлежность к прилагательным таких неаффиксированных форм указывает также тот факт, что они, как и многие другие прилагательные, могут использоваться в форме интенсивной степени качества, которая образуется путем повторения слова через лигатуру.

(40) *Kitang-kita kong lumapit si*
 видный-LK видный 1SG.NG-LK PERFASP.AV(-um-).подходить PERS.SG.ANG
Ka Ponso [IV: 130].
 Понсо дядюшка

‘Я **хорошо видел**, как подошел дядюшка Понсо’ (букв. ‘**Видный видный** мой, что подошел дядюшка Понсо’).

Сючуань, лишь несубъектными: *lakihan* ‘делать большим’, *tamisan* ‘делать сладким’, *alatan* ‘делать соленым’ [Liao 2004: 25–26].

На данный аргумент мы также можем привести два возражения. Во-первых, степень распространенности подобных примеров в тагальском языке неизвестна. Во всяком случае можно утверждать, что не всем одновалентным субъектным глаголам, корень которых обозначает качество, соответствуют лишь несубъектные двухвалентные глаголы. Например, глаголам *tumaas* ‘становиться высоким’, *bumaba* ‘спускаться, становиться низким’ и *lumayo* ‘становиться далеким’ соответствуют как несубъектные, так и субъектные двухвалентные глаголы: *magtaas(AV)/itaas(PV)* ‘делать высоким’, *magbaba(AV)/ibaba(PV)* ‘спускать, делать низким’ и *maglayo(AV)/ilayo(PV)* ‘делать далеким’. Во-вторых, несубъектные двухвалентные глаголы типа *tamisan* и *lakihan* являются лексическими каузативами, при этом параллельно с ними существуют морфологические каузативы с тем же значением, как несубъектные, так и субъектные.

lakihan(PV) — *magpalaki(AV)/palakihin(PV)* ‘делать большим’

tamisan(PV) — *magpatamis(AV)/patamisin(PV)/patamisan(PV)*
‘делать сладким’

alatan(PV) — *magpaalat(AV)/paalatin(PV)* ‘делать соленым’

Заключение

Анализ критериев, используемых для установления основных транзитивных конструкций, показал, что на основании критерия формальной сложности и производности, критерия полноты выражения семантических единиц и критерия текстовой частотности все залоговые конструкции в тагальском языке следует признать равноправными. Однако ввиду возражений, представленных Ляо Сючуань, будущим исследованиям предстоит уточнить целесообразность использования критериев формальной сложности и производности и полноты выражения семантических единиц для установления основной переходной конструкции. Гипотеза об определяющей роли референтного статуса объекта для выбора залога, которая рассматривается некоторыми исследователями как проявление критерия ограничений на дистрибуцию конструкций разных залогов, признана несостоятельной: наличие случаев,

в которых выбор залога противоречит гипотезе, и случаев, в которых гипотеза не способна объяснить выбор залога, не позволяет принять ее как адекватно объясняющую реалии тагальского языка, вследствие чего опираться на нее при исследовании вопроса о принадлежности тагалога к аккузативным или эргативным языкам, как нам представляется, нельзя. Возможность применить гипотезу транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон к тагальскому языку, которая впервые была предложена в: [Nolasco 2003], по нашему мнению, также наталкивается на непреодолимые препятствия. Аргументы С. Староста, Э. Поли, Л. Рида и Ляо Сючуань, объединенные в критерий ограничений на образование залоговых форм и конструкций, требуют дополнительных исследований. Предварительные данные, которыми мы располагаем, позволяют нам опровергнуть утверждение указанных авторов о том, что критерий ограничений на образование форм и конструкций может быть использован для доказательства эргативности тагальского языка.

В будущих исследованиях, посвященных рассматриваемой в настоящей статье проблеме, в круг показателей, используемых для установления основной транзитивной конструкции, должны быть вовлечены также данные, полученные с помощью других критериев, действие которых в тагальском языке в настоящее время изучено слабо. Важные свидетельства, например, может предоставить критерий ранней усваиваемости детьми конструкций разных залогов, данные которого, по всей видимости, пока не содержат достаточных оснований для их использования как доказательства в пользу первичности той или иной залоговой конструкции в тагальском языке. Так, опираясь на одни и те же исследования, А. Маклахлан приходит к выводу о равноправности всех залоговых конструкций в тагальском языке [MacLachlan 1996: 38–41], а Ляо Сючуань — к выводу о первичности пациентной конструкции [Liao 2004: 201]. Также следует провести дополнительные исследования по многим другим вопросам, например частотности разных залогов императивных конструкций.

На основании данных, полученных с использованием вышеперечисленных критериев, мы приходим к точке зрения, которую разделяют такие авторы, как М. Сибатани, А. Маклахлан, В. Фоли

и М. Катагири: тагальский язык не может быть классифицирован как аккузативный или эргативный, все тагальские залоговые конструкции следует рассматривать как равноправные.

Представленные здесь выводы являются, однако, всего лишь предварительными. Более тщательное исследование указанных выше вопросов и обнаружение новых данных, которые также возможно будет использовать в качестве критериев, могут предоставить дополнительные доказательства, либо подтверждающие представленные в настоящей работе выводы, либо опровергающие их.

Литература

Алиева 1998 — Алиева Н.Ф. Типологические аспекты индонезийской грамматики: Аналитизм и синтетизм. Посессивность. М., 1998.

Климов 1973 — Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.

Макаренко 1970 — Макаренко В.А. Тагальское словообразование. М., 1970.

Подберезский 1976 — Подберезский И.В. Учебник тагальского языка. М., 1976.

Рачков 1981 — Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л., 1981.

Сирк 2008 — Сирк Ю.Х. Австронезийские языки, введение в сравнительно-историческое изучение. М., 2008.

Храковский 1999 — Храковский В.С. Пассивные конструкции // Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб., 1999. С. 15–50.

Шкарбан 1995 — Шкарбан Л.И. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.

Comrie 1988 — Comrie B. Passive and voice // *Passive and voice* / Ed. Masayoshi Shibatani. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 9–23.

De Guzman 1988 — De Guzman V.P. Ergative analysis for Philippine languages: An analysis // *Studies in Austronesian linguistics* / Ed. Richard McGinn. Athens; Ohio: Center for Southeast Asia Studies, Center for International Studies; Ohio University, 1988. P. 323–345.

De Guzman 1996 — De Guzman V.P. Lexical categories in Tagalog // *Pan-Asiatic Linguistics: Proceedings of the Fourth International Symposium on Languages and Linguistics*. Vol. 1. Mahidol University, 1996. P. 307–396.

Dixon 1994 — Dixon R.M.W. Ergativity // *Cambridge Studies in Linguistics*. No 69. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Foley 1998 — Foley W.A. Symmetrical voice systems and precategoryality in Philippine languages // *Proceedings of the LFG 98 Conference: Workshop on voice and grammatical functions in Austronesian languages* / Eds. Miriam Butt and Tracy Holloway King. Stanford: CSLI, 1998.

French 1988 — French K.M. The focus system in Philippine languages: A historical overview // *Philippine Journal of Linguistics*. 1988. No 18–19. P.1–25.

Garcia 1992 — Garcia L.G. *Mga Gramatikang Tagalog/Pilipino (1893–1977)*. Lunsod Quezon: Unibersidad ng Pilipinas, 1992.

Gibson, Starosta 1990 — Gibson J.D., and Starosta S. Ergativity east and west // *Linguistic change and reconstruction methodology* / Ed. Philip Baldi. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990. P. 195–210.

Himmelmann 1991 — Himmelmann N.P. The Philippine challenge to Universal Grammar. Arbeitspapier. Nr. 15 (Neue Folge): Institut für Sprachwissenschaft, Universität zu Köln, 1991.

Hirano 2006 — Hirano Ti. Subject and Topic in Tagalog // *10th International Conference on Austronesian Languages*. 2006.

Hopper, Thompson 1980 — Hopper P.J. and Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. No 56 (2). P. 251–299.

Katagiri 2005 — Katagiri M. Topicality, ergativity and transitivity in Tagalog: Implications for the Philippine-type system // *Taiwan-Japan Joint Workshop on Austronesian Languages*. June 23–25, 2005. Taipei: Howard International House, 2005.

Kroeger 1993 — Kroeger P.R. Another look at subjecthood in Tagalog // *The Philippine Journal of Linguistics*. 1993. Vol. 24. No 2. P. 1–15.

Liao 2004 — Liao H. Transitivity and ergativity in Formosan and Philippine languages: Ph.D. Dissertation. University of Hawai‘i, 2004.

Maclachlan 1994 — Maclachlan A.E. Conjunction reduction and the syntax of case in Tagalog // *Proceeding of the Seventh International Conference on Austronesian Linguistics* / Eds. Cecilia Ode and Wim Stokhof. Leiden University, 1994. P. 443–460.

Maclachlan 1996 — Maclachlan A.E. Aspects of ergativity in Tagalog: Ph.D. Dissertation. McGill University, 1996.

Nolasco 2003 — Nolasco M.R. *Ang Pagkatransitibo at Ikinaergatibo ng mga Wikang Pilipino: Isang Pagsusuri sa Sistemang Bose*: Ph. D. Dissertation. Philippines, Quezon City: University of the Philippines–Diliman, 2003.

Nolasco 2005 — Nolasco R. What ergativity in Philippine languages really means // *Taiwan-Japan Joint Workshop on Austronesian Languages*. Taipei: National Taiwan University, 2005. P. 215–238.

Rafael 1978 — Rafael T.C. Topic in Tagalog revisited // *Studies in Philippine Linguistics*. 1978. Vol. 2. No 1, 1978. P. 36–48.

Saclot 2006 — Saclot M.J.D. On the Transitivity of the Actor Focus and Patient Focus Constructions in Tagalog // Tenth International Conference on Austronesian Linguistics. Philippines, Puerto Princesa City, 17–20 January 2006. <http://www.sil.org/asia/philippines/ical/papers.html>

Schachter, Otones 1972 — Schachter P., and Otones F.T. Tagalog reference grammar. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1972.

Shibatani — Shibatani M. Voice in Philippine languages // Passive and voice / Ed. M. Shibatani. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 85–142.

Starosta, Pawley, Reid 1982 — Starosta S., Pawley A.K., and Reid L.A. The Evolution of Focus in Austronesian // Papers from the Third International Conference on Austronesian Linguistics. Vol. 2. Tracking the Travelers / Eds. A. Halim, L. Carrington, and S.A. Wurm. Pacific Linguistics C-75. Canberra: Australian National University. 1982. P. 145–170.

Источники

- I — Balagtas F. Orosman at Zafira / Ed. B.S. Medina Jr. Manila, 1990.
- II — Balde A.M., Jr. Calvary road. Manila, Philippines, 2005.
- III — Biblia. Tagalog popular version. Manila: Philippine Bible Society.
- IV — Mga Piling Katha (1947–1948). Manila, 1948.
- V — Mga talumpati ng ating kasaysayan, tinapon ni Vivian L. Balaristica. Quezon City, 2006.
- VI — Paz C.J. Gabay sa fildwurd. Quezon City, 2005.
- VII — Pinas. Blg.4, Mayo 26 — Hunyo 1, 2008. Manila.
- VIII — Reyes E.M. Sa Mga Kuko Ng Liwanag. Quezon City, 2007.
- IX — Reyes J.C. Tutubi, Tutubi, ‘Wag Kang Magpahuli sa Mamang Salbahe. Quezon City, 2004.
- X — Silverio J.F. 1,001 Katutubong Pamahiin. Manila, 1997.

Список сокращений

- 1 — местоимение 1-го лица.
- 2 — местоимение 2-го лица.
- 3 — местоимение 3-го лица.
- ABS — абсолютный падеж.
- ACC — аккузативный падеж.
- ANG — падежный показатель или местоимение группы *ang*.
- AV — субъектный залог.
- BV — бенефактивный залог.
- CONTASP — глагольная форма неначатого действия.
- DEM — указательное местоимение.

- DV — адресатный залог.
EMPH — эмфатическая частица *natan*.
ERG — эргативный падеж.
EXCL — эксклюзивное местоимение.
IMPASP — глагольная форма незавершенного действия.
INCL — инклюзивное местоимение.
INF — инфинитив.
IV — инструментальный залог.
LK — лигатура *na/-ng/nang*.
LV — локативный залог.
NEG — отрицательная частица *hindi*.
NG — падежный показатель или местоимение группы *ng*.
NOM — номинативный падеж.
PART — показатель актуального членения *ay*.
PERFASP — глагольная форма завершенного действия.
PERS — личный падежный показатель.
PL — частица множественного числа *mga* либо местоимение множественного числа либо личный падежный показатель множественного числа.
PV — пациенский залог.
SA — падежный показатель или местоимение группы *sa*.
SG — местоимение единственного числа либо личный падежный показатель единственного числа.